

ПРОПОЗИЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОБЛАДАНИЯ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Очевидной для любого лингвиста является мысль о том, что система языка – это более или менее изоморфное отражение окружающего нас мира. В результате анализа языковых единиц и целых текстов реконструируется языковая картина мира (ЯКМ) – некий субъективный образ объективной реальности. Очевидно и то, что каждый язык формирует эту картину по-своему.

Актуальность исследования ЯКМ осознается сегодня чрезвычайно остро в связи с возросшим научным интересом к человеку и формированием антропоцентрического подхода к языку. Как главный тезис это было заявлено еще в 1988 г. авторами коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» [Роль человеческого фактора... 1988]. Фрагмент за фрагментом ЯКМ восстанавливают авторы сборников серии «Логический анализ языка» [Логический анализ языка 1988; 1991 – 1993; 2000; 2000a] и многие другие лингвисты, работающие в данном направлении (см.: Цивьян 1990; Яковлева 1994; Башкова 1995; Осетрова 1997; Язык. Человек. Картина мира... 2000; Шмелева 2001 и т. д.).

Информацию о языковой, а через нее о наивной (обыденной, ненаучной) картине мира предоставляют различные уровни языка, начиная с лексического и завершая синтаксическим. Своя особая роль в реконструкции ЯКМ у морфологии (см. об этом, например: Ким 1999; 1999a; Отражение русской языковой картины мира... 1999), поскольку она воспроизводит классификационную модель мира, проясняет номенклатуру его значимых для вербализованного сознания элементов. А это, в свою очередь, отражается в системе словоизменительных категорий. Так, грамматический род «сигнализирует» о важности в системе наивного языкового мироустройства категории «половая принадлежность»; число – категории «количественность»; падеж оформляет ролевые отношения между предметами и лицами; время глагола, вольно или невольно, заставляет носителя языка осмысливать и членить окружающее его временное пространство.

Ниже я приведу лишь один пример, доказывающий связь ЯКМ и морфологического уровня. Анализ посвящен сравнению видо-временных глагольных форм и демонстрирует осмысление времени двумя разными языковыми системами – русской и английской.

Итак, как в русском, так и в английском языковом сознании временное пространство условно делится на три части, что и фиксиру-

ется грамматикой. В обоих языках существуют глагольные формы прошедшего (past) – настоящего (present) – будущего (future) времени. В этом смысле языки «ведут» себя одинаково.

Различия становятся очевидными с того момента, когда мы переключаем внимание на другое, а именно задаемся вопросом, «осмысляет» ли язык **содержательный тип** глагольного события по отношению к каждой конкретной описываемой в тексте ситуации, и если да, то каким образом. С формальных позиций речь идет о четырех видо-временных формах, или аспектах, английского глагола:

- простой (simple)
- продолженной (continuous)
- совершенной (perfect)
- совершенно-продолженной (perfect continuous) [Murphy 1994:

2 – 49].

Для настоящего времени глагола *to work* (*работать*) данная парадигма будет выглядеть следующим образом:

It works буквально – ‘нечто работает’

It is working буквально – ‘нечто есть работающее’

It has worked буквально – ‘нечто имеется отработавшим’

It has been working буквально – ‘нечто имеет место быть работающим’.

У каждого из двух других английских времен существует аналогичная парадигма. Соответственно обычно говорят о 12 видо-временных формах или даже о 12 временах английского глагола, усвоить и правильно использовать которые рядовому носителю русского языка в рамках школьной или вузовской программы оказывается фактически невозможным. Об этом десятилетиями свидетельствует практика преподавания иностранных языков.

Между тем, избегая традиционного толкования данных форм как видо-временных либо, по крайней мере, не делая его единственным, мы достигаем значительно большего понимания грамматической устроенности английского (и в сравнении с ним) русского глагола.

Здесь я имею в виду прежде всего семантику предложения и, конкретно, типологию пропозиций, то есть разделение их на классы с учетом содержательной природы. Выделяются, например, пропозиции существования, состояния, действия, восприятия и движения [Шмелева 1994: 12 – 19].

Если, становясь на эту новую, пропозитивную, точку зрения, взглянуть на глагол, то оказывается, что по законам английского языкового мироустройства говорящий всякий раз, описывая любое событие, употребляет глагол в его абсолютном значении, фиксирующем только его семантику (*to work* ‘работать’), либо обязан приписать ему

какой-либо из трех возможных пропозитивных статусов (типов, в принятой терминологии) – статус пропозиции

существования (экзистенциальной) – *to be working* (‘быть работающим’),

обладания – *to have worked* (‘иметь отработавшим’), либо

обладания-существования – *to have been working* (‘иметь сбывшееся работающим’)¹.

Иными словами, натуральный носитель английского языка осмысливает всякое событие, описываемое глаголом, с четырех различных позиций: существования действия, обладания действием, обладания сбывающимся действием либо индифферентно к вышеперечисленным трем идеям, то есть с позиции собственно содержательной.

Таким образом, следует, видимо, говорить не о видо-временной, а о **пропозитивно-видо-временной** парадигме английского глагола.

В этом смысле грамматика современного русского глагола намного проще: пропозитивную классификацию событий (действий) она фактически не производит. Из четырех названных позиций заполнена только одна, выражающая содержание действия как такового в инфинитиве, в спрягаемых формах всех глаголов настоящего и прошедшего времени и в формах будущего времени глаголов совершенного вида: *преподавать, пить, танцевать; я преподаю; я пил; я потанцую*.

Это одновременно не значит, что русский язык не может передавать соответствующие идеи.

Идея существования содержится в пресуппозиции описания любого события (нечто происходит, следовательно, и существует). Она же поддерживается лексически: глаголами с соответствующей семантикой, в которых экзистенциальный смысл выражен либо в чистом виде (*есть / быть, бывать, бытовать, существовать*), либо соотнесен с какой-то конкретной сферой бытования (*водиться, размещаться, располагаться, храниться*), а кроме того, в определенной степени – локативами с семантикой прошлого и настоящего (*в прошлом, сто лет назад, вчера; сегодня, сейчас, в данный момент* и т. д.). На грамматическом уровне пропозитивный тип существования зафиксирован в глаголе-связке *есть / быть* при спрягаемых предикатах и кратких прилагательных и причастиях. Именно так образуются аналитические формы будущего времени глаголов несовершенного вида (*Я буду писать*; минимальная структурная схема N_1V_{fin} [Белашапкина 1997: 724]) и будущего-прошедшего времени с краткими формами квалификативов (*Я*

---

¹ Как видно, в английском языке смысл обладания оформлен в самостоятельный пропозитивный тип. Ср. это с иным толкованием статуса данного смысла в русской языковой системе у Т.В. Шмелевой, которая называет пропозицию обладания модификацией существования [Шмелева 1994: 14].

буду / был счастлив / виден; минимальная структурная схема N₁CopAdj) [Там же].

Идея обладания также фиксируется языком на лексическом уровне в семантике предикатов *обладать, владеть, иметь своей собственностью*. Однако невозможно избавиться от впечатления некоторой устарелости многих из соответствующих словоупотреблений; ср.: *обладать женщиной, обладать сильным голосом, обладать большой физической силой; владеть умами; владеть конем, овладеть крепостью*; и т. д. Эти выражения постепенно становятся частью пассивного языкового запаса или приобретают стилистический оттенок высокого (поэтичности, художественности) и, следовательно, все равно уходят из языковой практики масс.

Что касается русского глагола *иметь*, нужно признать тот факт, что он с известным трудом используется в большинстве контекстов. Исключение, пожалуй, составляют ряд устойчивых выражений, принадлежащих официально-деловой сфере коммуникации: *В нашем магазине имеются все товары первой необходимости; В распоряжении завхоза имеется пять новых столов и парт; Событие имело место быть; Что мы имеем на сегодняшний день?; На сегодня мы имеем не принятый бюджет края*. Сюда же следует отнести отдельные факты разговорной речи (*Поимел проблему на свою голову*) и некоторые паремии и образные выражения, составляющие общенациональный языковой фонд (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Не имей где главу преклонить* – последнее заимствовано из Евангелия) [Ашукин, Ашукина 1986: 420].

Итак, идею обладания русское языковое сознание если и не отвергает окончательно, то, по крайней мере, системно не воспроизводит на грамматическом уровне и не особо поддерживает на лексическом. В этом месте в русском наивном языковом сознании образована своеобразная полулакуна: соответствующий смысл присутствует, формы для его выражения доступны и всем известны, однако вкусовые национально-языковые предпочтения таковы, что русскоговорящий скорее отреагирует на событие как на объективно существующее, чем отнесет его к некоему владеющему субъекту². С этим, вероятно, связана и чрезвычайная трудность освоения формы *to have done* русским человеком.

Проведенный анализ развивает известную мысль В.Г. Гака о

---

² Частные случаи отклонения от всеобщей языковой практики лишь подтверждают указанную тенденцию. Так, знаменитая российская актриса Л.М. Гурченко в одной из телевизионных передач употребила фразу *Если я имею одну минуту...* (ОРТ, «Времена». 2001. 18 февр.). Впрочем, как известно, на ее языковой опыт в детстве и юности существенное влияние оказал украинский язык.

различии глагольных систем в русском и английском языках, конкретно – о том, что в английском языке популярна идея обладания, связанная с функционированием глагола *to have*, а в русском – идея существования, воплощенная в формах *есть* / *быть* [Гак 1977].

Данные наблюдения подводят и к следующему: через термины «пропозиция» и «пропозитивный тип» возможно не только традиционно объяснять диктум, или объективное содержание предложения [Белошাপкова 1997: 775 – 781]. Их объем следовало бы расширить, поскольку они адекватны для толкования формального аспекта грамматики – системы морфологических форм глагола. В частности, достигнуто понимание того, что если в английском языке пропозитивный тип включен в ряд обязательных морфологических характеристик всякого глагола и, по сути, является одной из его морфологических категорий, то в русской глагольной системе на пропозитивный тип указывается нерегулярно и классификационно неисчерпывающе (в определенном объеме передается лишь смысл экзистенциальности).

Языковая картина мира не является исключительной темой собственно научных исследований. Сведения о ней активно вводятся в вузовскую практику преподавания современного русского языка. Включая фрагменты, подобные приведенному выше, например, в курс морфологии, преподаватель, во-первых, демонстрирует существование такой данности, как ЯКМ, – то есть наличие у языковой системы не только формы, но и содержания, отнюдь не равного собственно информации, передающейся в тексте; во-вторых, решает методическую задачу, выстраивая связь между различными уровнями и подуровнями языка, в частности, между формальной грамматикой и семантическим синтаксисом; в-третьих, дает возможность студенту использовать полученные знания на практике при освоении иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения. М., 1986.

Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.

Белошাপкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 1997.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Ким И.Е. Русский этнограмматический тип // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 141 – 153.

Ким И.Е. Часть речи и словоизменительный гиперкласс в современном русском языке // Филология – журналистика'99: Сб. мате-

риалов науч. конф. Красноярск, 1999а. С. 23 – 31.

Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.

Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.

Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000а.

Осетрова Е.В. Ситуация манифестации факта и ее воплощение в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997.

Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.

Шмелева Т.В. Тезаурус болезни: русско-польские параллели // Studia Litteraria Polono-Slavica. 6. IS PAN. SOW. Warszawa, 2001. S. 13 – 33.

Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические и философские очерки: (на материале русского языка). Ч. 1. Омск, 2000.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Murphy R. English Grammar in Use: A self-study reference and practice book for intermediate students with answers, Cambridge University Press, 1994.